

Виктор Вургафтик
НЕИЗВЕСТНОСТЬ
июнь 1975

1

Опыт даёт нам некоторые детали мира. Когда по одной или нескольким деталям мы пытаемся угадать целое, это называется наукой. И когда какую-либо деталь воображаемого целого мы обнаруживаем затем на опыте, это называется научным предвидением.

Картина, нарисованная каждой целостной наукой, лишь в отдельных деталях совпадает с опытом, соединяет эти детали наша фантазия. Поэтому рано или поздно оказывается, что какая-нибудь промежуточная воображаемая деталь на опыте не такова, и нам приходится рисовать картину заново, приближённо сохраняя те детали, которые даны опытом раньше. Новая картина вернее прежней, но мы всё же не знаем, не тонет ли на ней реальное в фантастическом.

Далее мы пытаемся соединить картины отдельных наук в одну и для этого фантазируем о том, что находится между ними. Та или иная картина мира, полученная таким образом, называется научным мировоззрением. Но мы не знаем, не ничтожна ли часть, которую составляют на ней все науки.

Чем научное мировоззрение отличается от мифологического, которое также в некоторых деталях совпадает с опытом? Во-первых, своим рационализмом: миф – фантазия поэтическая, заменяющая живое действительное живым вымышленным; научное мировоззрение – фантазия рационалистическая, заменяющая живое действительное мёртвым вымышленным. Во-вторых, мифологическое мировоззрение статично, научное же пребывает в постоянном уточнении и хочет видеть в нём стремление к пределу – окончательной картине мира. Но это может быть и остаться только желанием: научное мировоззрение может далеко отстоять от неё и никогда к ней не приблизиться; не вызвана ли его уверенность в достижении цели лишь энтузиазмом движения?

Когда мы хотим думать, что недалеки от окончательного научного объяснения мира, за этим стоит наше желание устранить все беспокоящие нас случайности или по крайней мере забыть о них, чтобы, пока они нас не застигли, жить спокойно. Мы хотим полного покоя, а для этого мир должен быть до конца мёртв.

2

Бывают состояния, в которых мир ощущается живым и я в нем растворяюсь. Если из них выносятся убеждение, что он жив, это называется пантеизмом.

Но чтобы о мире можно было сказать «живой», он должен быть целостным, единым. В тех состояниях он таким и ощущается. Однако вне их я

вижу не единое, а многое, и сам я – одно из многого, которому другое может быть даже враждебно. И если вне тех состояний передо мной встанет вопрос, жив ли мир, я отвечу: мир – это многое, и одно живо, другое нет. Так что мир видится мне то живым, то многим.

Тогда пантеизм прибегает к доводам. Все части мира взаимосвязаны: нуждаются друг в друге, превращаются друг в друга, притягиваются; следовательно, это одно целое. А так как в нём есть бесспорно живое, то всё оно живо – единый живой организм.

Но как с ним соединен я? Я имею в виду не моё тело или нервную систему /или какую-либо их часть/, а именно себя, который и о теле, и о нервной системе, и т.п. говорит «моё». Я отличаю себя от всего мира /в том числе от моего тела/, даже противопоставляю ему. Как же я соединен с ним? Пантеизм может ответить: ведь «я» - только свойство тела, нервной системы, общества, т.е. того же мира. Но это уже одна из фантазий научного мировоззрения.